

Игорь Фрост

БАЙКИ СЕМЁНЫЧА

Вот тебе – два!

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф92

Фрост, Игорь.

Ф92 Байки Семёныча. Вот тебе — два! / Игорь Фрост. — Москва : Фрост И., 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-6053228-0-1

И вновь истории эти полны смешного и поучительного. Вновь относят они нас всех в недавно минувшее прошлое, согревая память теплом воспоминаний и будоража души ностальгией по прошедшему. Вновь стремятся истории эти не гротеском и потрясающими масштабами мозг сокрушить, но эмоции и сопереживания вызвать. Самые разные эмоции и переживания, которых в наши времена порой очень сильно не хватает.

На этот раз Семёныч, вспоминая прошлое, которое вполне себе только в его фантазии может существовать, не только об удивительных приключениях рыболовов и охотников, о похождениях которых отдельные тома писать можно, о привычных уже генералах и прапорщиках, жизнь каковых событиями полна, как никакая другая, рассказывает. Он в этот раз и про себя с изрядной долей самоиронии поведать решает.

Одним словом, много. Много всего в этой, второй уже, баечной книге. И пусть вопрос «было оно или не было» при прочтении для вас не главным будет. Это и не важно. Важно, чтобы удовольствие и радость от книги на какое-то, пусть и не продолжительное время, остались в сердце, душе и разуме. Пусть так и будет!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6053228-0-1

© Игорь Фрост, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ОХ УЖ ЭТИ ГЛУПОСТИ!	9
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	58
Глава 5	78
Глава 6	92
ОХОТА НА ОХОТУ	105
Глава 1	107
Глава 2	114
Глава 3	131
Глава 4	144
Глава 5	170
Глава 6	183
Глава 7	210
КАК Я ХУДЕЛ	219
Глава 1. Причины и следствия	221
Глава 2. Дорогу осилит бегущий	250
Глава 3. Viva Heavy Metal!	288
Глава 4. Крутите, и обрящете!	331
ПОСЛЕСЛОВИЕ	379

Предисловие

Здравствуйте!
Здравствуйте, друзья мои!

Как это, видимо, и прочитывалось по окончании первой книги, я вернулся к вам со второй. Пишу я ее, не сильно заботясь тем, что писательство, кто бы и что бы об этом ни говорил, вовсе не моя стезя. Пишу, не взирая на то, что никогда не собирался, да и не собираюсь, отринув все, чем я занят в своей основной жизни, погрузиться в литературный мир и искать для себя славы «настоящего писателя». Уж пусть они, настоящие, там, на литературном Олимпе, как-нибудь без меня обойдутся. Тесно у них там, да и желающих на вершине в лучах славы погреться из предгорьев во множестве к солнцу лезет. Не стремлюсь я туда. Совершенно по иной причине в клавиатуру пальцами с усердием тычу.

Оттого я пишу вновь, что есть у меня о чем вам порассказать, а писать меня еще в первом классе средней школы очень прилично научили. Так отчего же не скрестить умение с желанием? Ну вот я и скрещиваю.

Честно скажу, приступил я к ней, этой второй уже книге в моей жизни, даже не дожидаясь вашей реакции на первую, ни одной секунды не терзаясь сомнениями в том, а надо ли это вообще хоть кому-нибудь. И даже если это будет не нужно вообще никому, это останется нужным мне, человеку, которого все новые и новые истории распирают изнутри и тихими голосами просят выпустить их в мир.

Пусть все будет так, как тому быть суждено, — просто найду немного свободного времени и вылью на бумагу их, вновь в моей голове проснувшихся, как к своему, так и к вашему, я очень на это надеюсь, удовольствием, решил я и, не откладывая задуманное, произвел на свет Божий то, что вы теперь держите в своих руках.

Здесь, во вторых по счету «Байках...», собрал я в кучку разные воспоминания, разбуженные мною во время работы над первыми «Байками...». Сюда же вошло кое-что, вспомнившееся по результату ночной задушевной беседы с позвонившим другом, который себя в первой книге узнал. Произнеся сакраментальную фразу «А ты помнишь?», брат моего Детства и друг моей Юности, человек с прекрасным именем Ильхам будто открыл задвижку на каком-то доселе забытом участке памяти, откуда выплеснулся фонтан прошедшей жизни, восхитив новой силой и яркостью.

Вошли в эту книгу, как и в первую, рассказы о людях и временах, о событиях и нравах, о смешном и не очень. Я даже немного о себе самом малость порассказать решил. В общем, много чего нового вошло во вторую книгу. А может быть, даже и фантазии бурные с враньем бессовестным тоже вошли. Но на то я и автор, что все права имею. А уж что там правда, а что почти правда, так это вам, друзья мои, самим по прочтении решать. Хочется же мне верить, однако, что будет вам и интересно, и весело, и даже немножечко грустно. Потому от всего сердца и с застенной надеждой желаю вам удовольствия и самых разных эмоций, каковые эта книга, я на это надеюсь, сможет доставить. Пусть будет вам по-всякому, главное, чтобы не было скучно.

*С безграничным уважением
и благодарностью за прочтение,*

ваш Игорь Фрост

Ох уж эти глупости!

Глава 1

Случилась однажды с одним знакомцем моим Петькой Ефимовым история, хоть и познавательная, конечно же, но при этом чрезвычайно неприятная. Было это давно, и исполнилось Петьке на момент этой истории чуть-чуть больше восемнадцати годков. Совсем немногим больше. А потому, раз уж так с возрастом приключилось, почти незамедлительно по окончании средней школы, осенью того же года, родимый военкомат прибрал Петьку в ряды Вооруженных сил Советского Союза, нисколько не смущаясь его недавним школьным прошлым. Произошло это по той причине, что Петька наш октябрьский. Под самое завершение этого прекрасного осеннего месяца мама его ко всеобщей радости когда-то родила. В аккурат в один день с тогда еще существовавшим и в полную силу здравствующим ВЛКСМ. Со Всесоюзным ленинским коммунистическим союзом молодежи то есть. С комсомолом, если уж совсем по-простому.

Ну и вот, родился он, значит, под занавес осени, и вроде бы ничегошеньки в этом страшного нет, но потому как у нас начало календаря учащегося или дошкольника какого-нибудь с первым днем осени совпадает, образовался в Петькином жизненном ритме некоторый диссонанс. Всем, кому уже очередной годок стукнул, при наступлении Дня знаний нужно в следующий класс или более старшую группу на воспитание и обучение следовать, а у Петьки нашего к тому самому первому сентября по «пачпорту»

еще нужного возраста не наступило! Всем первоклашкам, на торжественной линейке бантами и белыми рубашками сверкающим, уже по семь, а он, бедолага, еще почти два месяца в шестилетках ходить должен. Да-а-а-а... Ситуация! Нет, ну в детский садик его, конечно же, приняли без оглядки на возраст и дату рождения. Там вообще всех берут. Берут и, лишь на косвенный признак прожитых лет опираясь, по разным возрастным группам распределяют. Ну а потому как они, дошкольники эти, лет и зим еще не сильно много прожили, то делить их сравнительно просто, и групп таких, как правило, много не бывает.

Так и Петьку в детсад взяли, когда ему «чуть больше трех» стукнуло, и в группу с такими же, которым «где-нибудь около трех», определили. И дальше все как по писаному: с каждым новым первым сентября Петька со своими одноклассниками по карьерной лестнице дошкольного учреждения в рост шел. До тех пор шел, пока под самый финал подготовительной группы с необходимостью в первый раз в первый класс сходить не столкнулся. Вернее, это даже не он, а мама его, замечательная женщина Надежда Алексеевна, со всей красотой и неизбежностью возрастного казуса лоб в лоб встретилась. И дело тут в том, что всем без исключения одноклассникам, с которыми Петька за три года детсадовской жизни почти сродниться успел, на момент выпускного утренника полновесных семь лет стукнуло или уже летом стукнуть обещало, а вот Петька по причине своего осеннего дня рождения все еще сопливым шестилеткой по закоулкам детсадовского корпуса шастал. И даже больше, к первосентябрьскому букету ему так семи лет и не наступило бы, как ни старайся.

И выходило тогда по законам неумолимой природы, что Петьке, если на то воля его мамы случится, в школу не возмужавшим семилеткой, а малость недозревшим шестилеткой идти следовало. Самого Петьку и сотоварищей сей факт не сильно смущал, а вот мама малость

засомневалась. Не в том засомневалась, что Петька физически школу не потянет, нет. Петька, хорошей наследственностью одаренный и богатым южным климатом обласканный, вырос мальчуганом рослым и вполне себе крепким. На голову выше своих сверстников, с розовой, блестящей задором и бодростью рожицей. Здоровеньким, одним словом, мальчуганом вырос Петька. Тут не в габитусе все дело, нет. Задумалась Петькина мама о том, что неокрепший мозг розового шестилетки очень сильно уступает в своей мощи зароговевшей психике возмужавшего семилетки. Очень сильно об этом Петькина мама задумалась. А тут еще и воспитательница сердобольная, которая в Петьке души не чаяла, убедительно сообщила маме, что «дополнительный годочек детства еще никому вреда не приносил» и что «успеет еще по школе-то помыкаться, горемыка». Мама с аргументами жизненно опытной воспитательницы согласилась полностью и потому решила Петьку еще на один год в подготовительной группе оставить. Для того чтобы в двойном повторении уже пройденного курса «молодого дошколенка» смог Петька как следует к суровым школьным будням подготвиться.

Вот по этой самой причине и пошел наш Петька в школу пусть и семилетним малышом, но вполне себе сформировавшимся восьмилеткой, отстав от своих детсадовских закадык прошлых лет аж на целый год школьного обучения. И не имело бы это никакого значения, если бы не приказ министра обороны СССР, товарища Устинова Дэ Фэ, повелевший в осень 1985 года взять за микитки всякого, кому на тот момент восемнадцать годков исполнилось, и со всей отеческой заботой и максимальной нежностью в ряды Вооруженных сил препроводить. На цельных два года препроводить. Бегать от армии тогда у большинства мужского населения было не принято, и потому потянулась в военкоматы нескончаемая вереница призывников свое

здоровье на медицинской комиссии доказать и на пару лет из дома по государственным делам отъехать. И хоть министр «Под ружье!» в сентябре приказал, когда Петьке все еще семнадцать лет исполнилось, от армии его это все равно не уберегло, потому как длилась призывная кампания три полноценных месяца, и в самый ее разгар свершились-таки Петькины искомые восемнадцать. Тогда свершились, когда эта самая кампания только-только свой разбег набрала. Ну а потому как в советских военкоматах всякий гражданин, за ружье держаться способный, на обязательном воинском учете состоял, его, сердешного, если он особых противопоказаний к тому не имел, в установленном время и в установленном порядке призывали Родине послужить и накопившийся гражданский долг вернуть. Желательно — с процентами.

Не минула и Петьку чаша сия.

В аккурат между торжественным салютом в честь его дня рождения и общегосударственными праздниками в ознаменование Великой Октябрьской социалистической революции принесли Петьке, вчерашнему школьнику, клочок серой бумажки с пугающим названием «Повестка», пропечатанным по самому верху типографским шрифтом. Сообщалось в ней, в этой самой повестке, что областного военкома, целого полковника, не сильно беспокоит тот факт, что Петька всего четыре месяца назад на выпускном вечере белого вина почти что допьяна напился, а еще полгода назад озорным школьником с портфелем на занятия бегал. Нисколько его, военкома, это не интересовало. Исполнилось, мил друг, восемнадцать? Исполнилось! Не поступил в высшее учебное заведение? Еще как не поступил! Хворей хронических, контузий головного мозга или еще каких-нибудь противопоказаний в виде инвалидности не имеется? Совсем не имеется! Ну а в таком разе чего кота за хвост, будто он резиновый, тянуть и время понапрасну тратить? Нет в том никакого смысла. Так что будь любезен,

Петька, позавчерашний школьник, в сегодняшние солдаты «ша-а-а-а-агом, а-а-а-арш!».

Не сильно сопротивляясь велениям судьбы и приказу министра обороны, Петька, вооружившись трехдневным запасом пищи, чистым нижним бельем, зубной щеткой и новой расческой, в аккурат на День милицейского работника убыл из родимого дома для исполнения почетного долга каждого мужественного гражданина СССР. О том, как доехал и как его приняли в дружной семье военнослужащих, рассказывать не буду, потому что коротко все это, скучно и не интересно. Скажу только, что более ранние романтические представления Петьки о службе в армии практически не оправдались, а вот смутные предчувствия предстоящих невзгод и рассказы старших парней о «тяготах воинской службы» реализовались аж троекратно.

Оказавшись в чуждой и временами неоправданно агрессивной среде, растерялся наш Петька поначалу, и честно нужно сказать, в первые месяцы несения своего армейского повинования вид от этого имел весьма близко напоминающий велосипед, на который натянули солдатский мундир, торчащий во все стороны неопрятными складками. Настоящего солдата, коему вид иметь следовало бравый и заливчатый, в том Петьке можно было распознать только по погонам и кокарде, а розовое, почти детское личико еще долго выдавало в нем недавнего школяра. Взгляд его был слегка растерянным, а на лице круглыми сутками отражалось мучительное желание скушать чего-нибудь из съедобного, и желательно — сладкого. Поверх всей этой картины, ярко живописующей юного призывника-первогодка, хорошо читались две основные мысли. Первая: «Блин! Да за что же мне все это?!» и вторая: «Мама моя, роди меня обратно! До дембеля-то еще целая вечность!» Причем вторая мысль терзала Петьку куда как сильнее первой.

Будучи мальчиком начитанным, о гражданском долге каждого мужского человека в СССР и законе «О всеобщей

воинской обязанности» Петька знал хорошо, и потому ответ на первую терзающую мысль он давал сам себе: «Не “за что”, Петя дорогой, а “почему”! А потому, дружище, что Родина так повелела!» Ну а получив вразумительный и, что самое главное, совершенно логичный ответ, Петька от неопределенности причины наступившего черного периода расстался полностью и расстраиваться перестал. А вот горечь от предстоящей вечности в ожидании славной демобилизации ясного и логического ответа и обоснования под собой не имела и посещала Петьку по три раза на дню все первые месяцы службы. Шесть месяцев, если быть точным.

И если с необходимостью отдавать свой гражданский долг он хоть как-то мог смириться, то с вечностью что-либо сделать было решительно невозможно. Тянулась она, как тугая патока, и ускоряться не хотела ни в какую! Каждое утро дней до дембеля по-прежнему оставалось несколько сотен, и это, согласитесь, когда тебе не сильно нравится в армии, факт совсем не радостный. Ну а через шесть месяцев, пообтершись и научившись правильно носить ХБ, морду приобретя хитрую и молодевающую, часто задумываться о бренности бытия и предстоящей вечности Петька перестал. И даже если вспоминал о том, что ему тут еще год с хвостиком мытариться, то только в тех случаях, когда от родителей или от закадычного друга Ильхама, с которым еще со времен их ползункового детства дружил, письма с описанием событий его родного двора получал.

Важно сказать, что вырос Петька в сильно южном городе. Настолько южном, что вся остальная страна, в нарушение непреклонной географической логики и неумолимых законов физики, всегда располагалась строго на север. Солнечных дней в этом городе странным образом было больше трехсот шестидесяти пяти в год, а снег выпадал на пятнадцать минут два раза за зиму, ну, просто так, чтобы о нем как о природном явлении не забыли. В январскую

«стужу» Петькина мама, собирая его в школу, настойчиво увещевала надеть пиджак, потому как: «На улице сегодня сильно холодно — всего плюс десять!» И, надев тот самый пиджак, добежав до школы за несколько коротких минут, умудрялся Петька по пути замерзнуть до синевы на губах и окоченения в пальцах всех своих конечностей. Февральские же плюс двадцать казались всем жителям того города благословением Господним и долгожданным потеплением после долгой, аж в целую неделю продолжительностью, и изматывающе лютой зимы с невероятными морозами в плюс пять градусов. Плодородие же в этих краях было такое, что, к примеру, лопату, в землю воткнутую, надолго так оставлять нельзя было ни в коем случае. Черенок корни пускать начинал и свежими ветками обрастал, зараза! А уж фруктов и овощей всевозможных там в таком изобилии произрастало, что почти круглый год их прямо с грядок и веток от пуза и невымытыми руками кушать можно было.

И еще одна радость была в том городе: со стороны сопредельного государства, носящего скромное название Афганистан, хорошим таким, жирным потоком лилась контрабанда всевозможная, в себе материальные блага загнивающего Запада несущая. Промышляли этим благородным ремеслом все без исключения, кто хоть какую-то возможность имел на законных основаниях через пограничную реку переправиться и там, в дуканах афганского городишки с красивым названием Хайратон, капиталистическим ширпотребом отовариться. И водители автотранспортного предприятия, которые по межгосударственному соглашению в соседнюю республику ежедневно фурами материальную помощь от дружественного советского народа возили. И работники речного пароходства, которые по реке, границей между государствами служащей, баржи и иные кораблики в нуждах народного хозяйства сопредельной страны гоняли. И всевозможные работники торговых представительств и внешнеторговых банков